

ЖУРНАЛИСТИКА

ЛОГИКА ВОЗНИКНОВЕНИЯ МАКРО-ПР В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИЙ “СЖИМАЮЩЕГОСЯ ВРЕМЕНИ” И “РАСПИРЯЮЩЕГОСЯ МИРА”

© 2006 А.Е. Богоявленский

Воронежский государственный университет

Великий русский мыслитель Николай Бердяев в книге “Смысл Истории” с тревогой рассуждал: “Я думаю, что не может быть особенных споров о том, что не только Россия, но и вся Европа и весь мир вступают в катастрофический период своего развития. Мы живем во времена грандиозного исторического перелома. Началась какая-то новая историческая эпоха. *Весь темп исторического развития существенно меняется.* Он не таков, каким был до начала мировой войны и последовавших за мировой войной русской и европейской революций, — он существенно иной. И темп этот не может быть назван иначе, как катастрофическим. Открылись вулканические источники в исторической подпочве. Все колебалось, и у нас получается впечатление особенно интенсивного, особенно острого движения “исторического”. Я думаю, что это острое чувство особенно важно для того, чтобы мысль человеческая и сознание человеческое обратились к пересмотру основных вопросов философии истории, к попыткам построить по-новому философию истории. Мы вступаем в эпоху, когда к этим проблемам будет обращено сознание человеческое более, чем оно было обращено до сих пор (курсив наш. — А. Б.)” [1, 4].

Новые силы, новая экономика, новая политика, новая мораль — все новые и новые черты приобретала жизнь Европы конце XIX века.

К. С. Станиславский вспоминал: “Я родился в Москве в 1863 году — на рубеже двух эпох. Я еще помню остатки крепостного права, сальные свечи, карселевые лампы, тарантасы, дормезы, эстафеты, кремневые ружья, маленькие пушки наподобие игрушечных. На моих глазах возникали в России железные дороги с курьерскими поездами, пароходы, создавались электрические прожекторы, автомобили, аэропланы, дредноуты, подводные лодки, телефоны — проволочные, беспроводные, радиотелеграфы, двенадцатидюймовые орудия. Таким образом, от сальной свечи — к электрическому прожектору, от таран-

таса — к аэроплану, от парусной — к подводной лодке, от эстафеты — к радиотелеграфу, от кремневого ружья — к пушке Берте и от крепостного права — к большевизму и коммунизму. Поистине — разнообразная жизнь, не раз изменявшаяся в своих устоях” [16, 29]. Не менее грандиозные перемены происходили в сфере социального управления. Л. Н. Толстой так писал об этом: “Вместо людей, одаренных божественной властью и непосредственно руководимых волею божества, новая история поставила или героев, одаренных необыкновенными, нечеловеческими способностями, или просто людей самых разнообразных свойств, от монархов до журналистов, руководящих массами” [17, 310-311].

Добавьте к этому почти мистический смысл самого феномена “Конца века”, и возможно, нам удастся почувствовать, попробуем почувствовать нависшую над миром тяжесть Нового — XX века.

Иллюстрацией к нашему тезису вполне может стать работа у нас малоизвестного (но, в свое время, властвовавшего над умами современников) немецкого философа Макса Нордау “Вырождение”. Чтобы почувствовать, какое сумеречное чувство охватило души европейцев, почувствовать их угнетенное состояние, обратимся к этому исследованию, вышедшему в России в 1894 году и с тех пор не переиздававшемуся.

Само восприятие современниками книги Нордау дает своеобразное ощущение “российского преломления”, экспортных вариантов немецких философских воззрений, одно из которых мы, к сожалению (или к счастью?), немного знаем в теории из курсов общественных дисциплин и очень хорошо знаем на практике.

Вот как размышляет о книге Нордау ее редактор и переводчик Р. И. Сементковский: “Спрашивается, почему теперь всюду интеллигенцией овладело “сумеречное” настроение, почему так часто наблюдается разочарование, болезненный скептицизм, почему продуманные “идеалы” заменены разными «идолами?»” Были

ли те идеалы, которые красили нашу жизнь, давали ей высший общественный, гражданской смысл, несостоятельны по существу? В таком случае “сумеречное” настроение конца века было бы вполне понятно и законно, и нам оставалось бы только искать новых идеалов, а пока они не найдены, “томиться жизнью, как ровным путем без цели”. Но не заключается ли, в такой постановке вопроса, как будто соответствующей теперешнему настроению большинства интеллигентных людей, явная нелепость? Человечество начало жить не вместе с нами: историческая его жизнь измеряется уже тысячелетиями, и целые тысячелетия длится его постепенное приближение к большему благополучию, к большей сумме счастья на земле. И всегда ход исторического развития был таков, что идеалы *постепенно* видоизменялись, коренясь в прошлом, развиваясь в настоящем, подготавливая почву для будущего. Что за странный самообман, принимающий характер саможжения — думать, что этот вечно неизменный исторический процесс обрывается нашим кратким земным существованием, что грядущее “пусто иль темно”, потому что мы сами изверились в наши идеалы! [15, XIV–XV]

Один из “столпов” либерализма в России, историк и публицист Б. Н. Чичерин в написанном в 1881 году письме к К. П. Победоносцеву дает не менее яркую характеристику общественной ситуации того времени: “Все отношения изменились; всякие предания исчезли; все понятия перепутались. К довершению беды, преобразования совершились в такую пору, когда наша учительница на пути гражданского развития, Западная Европа, вместе с великими началами, легшими в основание преобразований прошедшего царствования, принесла нам и смуту. И там происходит кризис, и в умственной, и в политической области: идет борьба между капиталом и трудом; материалистические учения обуревают умы, а дикие страсти, волнующие народные массы, стремятся к ниспровержению всех коренных основ, которыми держится человеческое общежитие” [5, 106–108].

Высказанная на закате девятнадцатого века мысль становится еще более актуальной на закате века двадцатого. Известный специалист по теории коммуникации Дэнис Макуэйл утверждает: “Нет сомнений, что происходят фундаментальные перемены — стремительные и ведущие к непредсказуемым последствиям” [20, 75–76]. Элвин Тоффлер в книге “Футурошок”, отмечая стремительно возрастающий бег исторического времени, показывает, как сжимающий время феномен отражается в темпах накопления знаний. Тоффлер пишет: “Темпы, в каких человечество поглощало знания о себе и Вселенной, уве-

личивались по спирали на протяжении десяти тысяч лет... До 1500 года, по наиболее оптимистичным подсчетам, в Европе издавалось около 1000 книг за год. Что означало, что потребуются целый век для создания библиотеки в 100 000 томов. Через четыре с половиной века, к 1950 г., этот уровень так возрос, что Европа выпустила 120 000 книг в год. *Количество времени сократилось со столетия до десяти месяцев...* К середине 60-х годов мировое производство книг, включая Европу, достигло уровня 1000 книг в день... Сегодня в Соединенных Штатах только правительство выпускает 100 000 докладов каждый год плюс 450 000 статей, книг и постановлений. По всему миру выпуск научной и технической литературы возрос до уровня 60 000 000 страниц в год... (курсив наш. — А. Б.)” [18, 26].

Ускоряющееся, грозящее всему человечеству неизведанными испытаниями течение исторического времени отмечают и другие ученые, причем не только философы и историки, но и представители естественных наук.

“Возможно ли каким-либо способом описать это стремительное ускорение истории, объяснить происходящие процессы, попытаться дать прогноз?” — такой вопрос задавали себе не только “чистые” футурологи, но также и социологи и коммуникативисты — Тоффлер, Маклюэн, Фукуяма, Кастеллс и многие другие исследователи.

Мы остановимся на несколько более подробном представлении версий российских ученых, способных непосредственно повлиять на ход наших последующих рассуждений, касающихся развития теории ПР.

Российский ученый-физик Сергей Петрович Капица математическими методами решил выяснить общие законы развития человечества, в которые, так или иначе, вписывается любая частная народность, страна, деятельность.

Исследованию предшествовали два предварительных положения:

1. Нужно думать крупными системными мазками.
2. Простой подход к проблеме — через рост населения.

Главное отличие демографической теории С. П. Капицы [6] от предшествующих теорий, привязанных, как правило, к национальным границам, состоит в том, что автор рассматривает население Земного шара как единую систему, ибо наша планета как раз и есть замкнутый регион. Скорость роста населения Земли, по Капице, обратно пропорциональна квадрату численности населения. Эта зависимость согласуется с историческими данными о населении Земли за последние 1,5 миллиона лет.

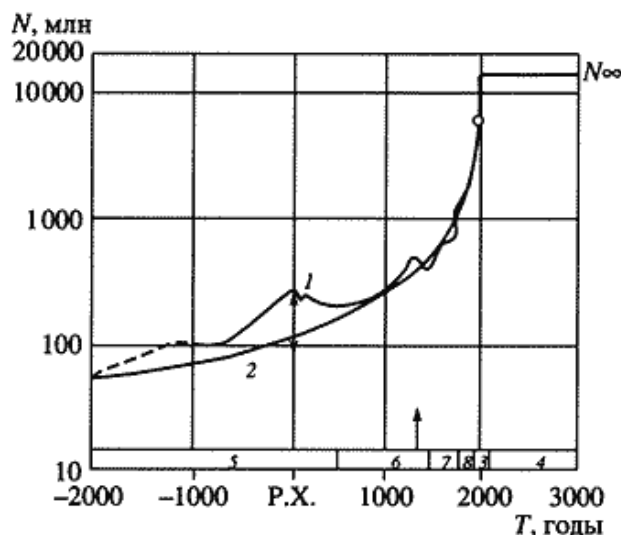

Рис. 1. Население мира от 2000 до Р.Х. до 3000 г. Предел роста $N_{\infty} = 10-12$ млрд.

1 – население мира с 2000 г. до Р.Х. согласно Бирабену. 2 – гиперболический рост и режим с обострением, характеризующий демографический взрыв, 3 – демографический переход, 4 – стабилизация населения, 5 – древний мир, 6 – средние века, 7 – новая и 8 – новейшая история. ↑ – чума 1348 г. о – 2000 г.

↕ – разброс данных. На полулогарифмической сетке экспоненциальный рост изображается прямой, которая никак не может описать развитие человечества за сколько-нибудь значительный период времени. На графике роста по мере приближения к демографическому переходу ясно видно сжатие исторического времени.

Основной вопрос Капицы был таков: “Можно ли каким-нибудь образом описать рост человечества?” Отметим, что не города, страны или даже населения земного шара в текущий момент, а именно *всего* человечества за *всю* его историю.

Причиной такого подхода послужило следующее обстоятельство. Оказалось, что демографы фактически не придают значения общечеловеческим проблемам в указанном масштабе.

Сковывают традиции своего знания – то, что С. П. Капица назвал “уездное мышление”. Отметим, что подобное мышление присуще представителям любой науки. Так, существует звание “доктор филологических наук”, но нет звания “доктора всех наук”, как нет и “всеобщей теории всего”.

Между тем еще известный автор книги “Восток-Запад” Конрад и французские “новые историки”¹ отмечали, что существует лишь одна история – история человечества. Все остальное

должно каким-то образом в эту историю вписываться. Разумеется, это касается и демографии.

Человечество развивается своим путем. При этом академик Капица отмечает, что “мы живем в самое интересное время за всю историю человечества, за миллион лет его существования”.

Для доказательства своей гипотезы ученый выстраивает систему координат, отмечая на одной из ортогональных линий (ось абсцисс) интервалы, соответствующие периодам “исторического времени”, обозначая таким образом периоды Древнего мира, Средневековья, Нового времени, Новейшего времени и современности;

на другой (ось ординат) – отмечая интервалы, указывающие на количество населения: соответственно ставя отметки, обозначающие 10 – 100 – 1000 – 10 000 млн человек (см. рис. 1).

Далее Капица, пересекая указанные параметры, строит логарифмический график, рассуждая:

¹ Подробнее об этом см.: Капица С. П., Курдюмов С. П. Синергетика и прогнозы будущего / С. П. Капица, С. П. Курдюмов – М., 1997; Капица С. П. Сколько людей жило, живет и будет жить на Земле. Очерк теории роста человечества на Земле / С. П. Капица – М., 1999; Николис Г., Пригожин И. Р. Самоорганизация в неравновесных системах / пер. с англ. / М., 1984; Обострение демографических признаков и современное состояние России / под ред. Б. С. Хорева, Л. В. Ивановой. – М., 2000; Сови А. Общая теория населения / пер. с франц. / А. Сови. – М., 1977; Хакен Г. Синергетика. Иерархия неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах / Г. Хакен. – М., 1984; Caring for the future: the next decades of life worth living./ Oxford. 1996. – 359 p. и др.

“Всего насчитывается (и может быть отложено на графике) 11 периодов, и в каждый жило около 10 млрд человек. (Несложно подсчитать, что за весь период развития человечества на Земле жило 100 млрд. человек.) Но в Древнем мире 10 млрд человек жило за четыре с половиной тысячи лет, в Средние века — за полторы тысячи лет, а сейчас — всего за 40 лет.

Интервалы показывают так называемое социальное время. Сейчас нас (населения Земли) 6 млрд, во время Рождества Христова было 100 млн, во времена Пушкина — 1 млрд. Мы видим, что кривая на графике начинает резко задираться кверху. Немного продлив кривую вверх, мы получим 10–12 млрд населения, то есть за считанные несколько лет произойдет удвоение населения Земли”.

Следом на схеме должен быть отложен новый период, но его откладывать уже некуда — кривая идет почти вертикально вверх, не оставляя на оси абсцисс достаточного места для обозначения еще одного периода.

Насколько верен такой прогноз и что оно означает?

Эта кривая “действует” за 4 тысячи лет развития человечества и точно отражает фазовые переходы социального времени человечества.

На графике хорошо видно, как время начинает все более и более “сжиматься”.

Так, период Древнего мира (Египет, Междуречье) длился с двух тысяч лет до нашей эры — до эпохи падения Рима (500-й год н. э.).

Средние века: 500–1500-й годы (этот период насчитывает около тысячи лет, следовательно, он меньше предыдущего в 2,5–3 раза).

Новая история: 1500-й — начало XIX века (французская революция, Наполеон (300 лет — намечается та же динамика. Этот период также меньше прежнего в три раза).

Новейшая история: начало XIX — середина XX века (около 100 лет — снова сжатие в три раза).

Современность. Отмеченная на графике логарифмическая кривая начинает фактически вертикально устремляться вверх.

При сохранении гиперболического закона роста, действовавшего на протяжении всей истории человечества, его численность стала бы бесконечной к 2025 г. “В ближайшее время нас ждет увеличение населения до 10–12 млрд человек, — отмечает С. П. Капица, — после чего всякий прирост прекратится, практически мгновенно...” Год 2000-й, по его теории, оказался переломным годом для человечества за последние четыре миллиона лет. По мнению ученого, причина демографического перехода — информационный кризис.

Комментируя график, академик Капица отмечает: “Мы приблизились к началу XXI века,

и история больше сжиматься не может. В древнем мире за 2,5 тысячи лет мало что менялось. Человек жил в неизменных условиях. В Средние века темп незначительно увеличился, но это не очень сказалось на социальных процессах. А сейчас время сжимается, решительно изменяя социальные процессы, и больше сжиматься не может”.

Отметим, что ранее, для доказательства верности такого графического отображения феномена “сжатия времени”, российский историк Дьяконов продолжал кривую в доисторический век, и она независимо отражала уже известные историкам факты. При этом, вертикально возносясь в грядущее человечества, графическая кривая неизбежно сворачивается в точку. Для этой точки Дьяконов предложил особое название — “сингулярность истории”. Коллапс цивилизации... Экстраполяция всей человеческой истории показывает предельную точку в 2027 году” [11, 19].

К подобным выводам независимо приходят и другие российские исследователи. Так, проанализировав огромный массив данных, московский физик Александр Панов пришел к выводу, что наша цивилизация доживает последние годы. При этом его кривая (в отличие от графика Демьяненко или Капицы) продолжена гораздо дальше в глубины истории.

Открытие московского физика еще более наглядно демонстрирует, что “время на нашей планете как будто убыстряется, эволюционные витки уплотняются, словно сжимается какая-то пружина”.

“Допустим, — рассуждает А. Панов, — вся история Земли — это один год и формирование планеты завершилось 1 января. Тогда первые клетки появились в конце марта — начале апреля. Черви возникли в начале ноября. Первые позвоночные — в начале декабря. Динозавры появились 20 декабря. Первые приматы — 28 декабря. Обезьяны появились к 31 декабря. Гомо сапиенс возник на исторической арене 31 декабря в 23 часа 57 минут.

Древний Египет, Древний Шумер появились в 23 часа 59 минут 10 секунд. Иисус Христос родился в 23 часа 59 минут 50 секунд. Промышленная революция началась в 23 часа 59 минут 59 секунд. Этот феномен так и назвали “Эффект ускорения исторического времени” [11, 19]. Как бы ни казались непоследовательными взгляды российского исследователя на происхождение всего сущего на Земле, допускающие сочетание учения Дарвина и Догматов Церкви, отметим, что эффект “сжимающегося времени” вызывает все более пристальный интерес ведущих представителей академической среды.

Академик С. П. Капица вывел формулу “сжимающегося времени”, которая поразительно точно описывает историю человечества и так же, как и кривая Демьяненко, приводит к бесконечности приблизительно через 20 лет:

Эта формула выражает следующее равенство:
 $N = 200 \text{ млрд: } (2025 \text{ год} - t)$, где

N – количество населения, проживающего на Земле в данное время,

t – время.

Формула работает в указанный диапазон времени. Из этой формулы можно вывести, что скорость роста населения равняется квадрату численности населения мира. Также следует вывод о переходе человечества в новое состояние (с допустимой погрешностью) менее чем через сто лет.

Более того, хорошо разработанная математическая процедура – регрессионный анализ – показывает, что “все реперные точки исторической и биологической эволюции точно укладываются на одну и ту же математическую прогрессию... В нашем случае это предел на временной оси, где частота революционных всплесков стремится к бесконечности, а период между ними – к нулю” [11, 19].

Подобное пророчество может быть распечатано и с позиций, которые содержит, в частности, книга Фукуямы “Конец Истории”. Сами темы прозвучавших в 70-е годы докладов Римскому клубу (“Пределы роста” / Д. Медоуз, 1971/, “Стратегия выживания” / М. Месарович, Э. Пестель,

1973/, “Пересмотр международного порядка” /Я. Тинберген, 1976/) наглядно отражают динамику озабоченности мирового сообщества.

Между тем академик Капица, комментируя формулу, не теряет оптимизма, рассуждая вовсе не о конце истории, а о некоем “демографическом переходе”, когда от стремительного роста количества населения человечество переходит к стабилизации. По его оценке, наиболее вероятное время перехода – 45 лет. Осторожный оптимизм проявляет и А. Панов: “Ведь как обычно преодолевается эволюционный кризис? Биосфера, человеческое сообщество, вид организмов состоят из отдельных подсистем. Те части системы, которые не могут дать адекватного ответа кризису, вымирают. А другие части выживают и переходят на более высокую ступень эволюции. Динозавры вымерли, а млекопитающие выжили и захватили планету. Рим победил, а Карфаген пал... Но сейчас, в связи с глобализацией, вся планета становится единым целым. У цивилизации не остается подсистем, которыми она могла бы пожертвовать. Теперь, если уж рухнет, то рухнет все как целое... однако есть ряд данных, ко-

торые позволяют говорить, что цивилизация уже начинает выдавать адекватный ответ. Вот, скажем феномен спонтанного ограничения роста населения в промышленно развитых странах в условиях материального изобилия. Демографы за головы хватаются, а надо радоваться! Это явление исторического аналога не имеет. До сих пор живая материя, если только она имела возможность размножаться, она всегда это делала – производила экспансию. И вдруг такое самоограничение... Это нетривиальное явление дает повод для осторожного оптимизма” [11, 19].

По мнению С. П. Капицы, нам предстоит пережить самое крупное событие за историю человечества: на протяжении 2-х поколений мир переходит в новое измерение. Процесс неустойчив до перехода и устойчив после него.

Рассуждая о современном антропогенезе и цивилизационных разломах, российский исследователь Н. Н. Моисеев признает, что “для того, чтобы предотвратить деградацию, человечеству предстоит мучительный поиск новой экологической ниши...” [10, 5].

Наша концепция сфер ПР предлагает рассмотреть этот процесс в контексте теории Паблик Рилейшнз.

Мы выдвигаем тезис, что “сжатие времени” в рамках поздних периодов (Нового и Новейшего времени) означает все более убыстряющийся и далее нарастающий процесс социальных изменений, который в конце первой трети – середине XIX века не только вызвал предпосылки технических и промышленных достижений, но и обусловил тот накал социальных противоречий, который в конце XIX – начале XX века, впервые в истории человечества, поставил мир на грань глобальной катастрофы и радикальных революций.

В качестве предположения отметим, что феномен “сжатия времени” помогает, с нашей точки зрения, объяснить и феномен концентрации в небольшой период вершин культурных достижений. Отметим в этом смысле периоды, известные как “Золотой век” и Серебряный век” российской поэзии. С другой стороны, можно предположить, что именно феномен “ускоряющегося времени” в значительной степени влияет на возникновение постмодернистских тенденций, реализующихся в своеобразном “искусстве калейдоскопического мелькания” и порождающих “клиповое сознание” массового общества.

При этом в мире “накопился целый ряд кризисов, которые могут положить конец цивилизации: генетический, экологический, ресурсный, кризис внутренней технологической неустойчивости...” [11, 19]. В развитие тезиса о влиянии феномена “сжатия времени” на усиление анта-

гонистического неприятия иной социальной позиции, что вызвало радикальные теории мирового преобразования (Маркс), мы выдвигаем следующий концептуальный тезис, в котором категорически утверждаем: именно это обстоятельство вызвало к жизни “*глобальное чувство самосохранения*”, которое было реализовано в создании института ПР, как гармонизирующего социально-экономического и коммуникационного фактора, объединяющего в себе как пратехнологии социального управления (*пратехнологии ПР как функции менеджмента*) прежних эпох, так и технологии экономических коммуникаций (*пратехнологии ПР как маркетинговых коммуникаций*) в условиях создания, допустим термин, массового коммуникационно-социального пространства. Обозначим “глобальное чувства самосохранения” как **Макро-ПР**. Таким образом, институализация “искусства и науки достижения гармонии” приходится на конец XIX – начало XX века (период промышленной и коммуникационной революции), что следует рассматривать как противовес радикальным социальным процессам и бунтарским теориям мирового переустройства.

Это куда более нетривиальное явление, нежели спонтанный рост ограничения рождаемости (в том числе, видимо, и не всегда “спонтанный”, а происходящий, в частности, при легитимизации греха в виде законодательного утверждения однополых “браков” в особо развитых странах Евросоюза), по нашему мнению, дает и существенно более весомое основание для оптимизма.

Рассмотрим, как способны отразиться положения теории “сжимающегося времени” на теории Паблик Рилейшнз. Отметим как объективный процесс сжимающегося времени, под влиянием которого, как мы считаем, народы “сжимаются” в массы.

Автор одного из первых (еще советских) отечественных исследований в области Паблик Рилейшнз Н. Г. Зяблук² видел причины *роста* ПР в XIX – начале XX в. в концентрации производства и возникающем отсюда антимонополистическом движении.

Опираясь на проведенный экономический анализ (и, возможно, несколько эклектично допуская сочетание США-центричного взгляда на периодизацию ПР с идеологией марксистско-

ленинских политических конструкций), советский исследователь очень точно обращает внимание на способность печати оперативно и в **массовом** объеме распространять информацию и на то, как данное обстоятельство сказалось на развитии ПР³ Роль **массового** в становлении ПР отмечают и современные российские исследователи. В частности, доктор МГУ Л. Н. Федотова пишет, что “в ходе развития **массового производства**, усиления демократических тенденций, повышения роли населения в политической жизни, укрепления рыночных отношений, которые включают в качестве активного участника потребителя, обеспечивающего нормальное функционирование рыночного механизма, в обществе начал формироваться новый социальный субъект – **масса**, учет социальных интересов которого с этого момента стал постоянным предметом внимания со стороны производителей товаров и услуг” [19, 10]. Рассуждая далее, Л. Н. Федотова пишет: “В ходе общественной эволюции **увеличилась роль масс** – они отныне стали не только объектом действий властных структур, но и активным социальным субъектом, прямо или косвенно влияющим на процесс социального развития. Возникла историческая необходимость в новых коммуникативных каналах и средствах, где бы осуществлялась эта новая коммуникативная ситуация. На первом месте здесь находятся, безусловно, **средства массовой коммуникации** [19, 15].

Развивая положения, касающиеся значения понятий “масса”, “массовое производство”, “средства массовой коммуникации” для теории Паблик Рилейшнз, мы считаем, **что только к началу XX века** можно говорить о создании **платформы ПР** в виде сжимающегося (до уровня однородно-массового состояния) коммуникационно-социального пространства, интегрирующего такие **объединенные причинно-следственной связью глобальные характеристики массы, как массовое производство, средства массовой информации, массовая культура и массовое общество**. Вошедшие в мировую практику на рубеже XIX – XX веков и нашедшие последующее развитие в теории ПР психологические эксперименты в области **массового бессознательного** (Г. Лебон, Г. Тард, З. Фрейд) были бы немыслимы без подобной предварительной “**социальной массификации**”.

² См.: Зяблук Н. Г. Паблик рилейшнз и пресса США (система управления социальной информацией, роль и место печати в этой системе) / Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Н. Г. Зяблук – М., 1969. Зяблук Н. Г. Индустрия управляемой информации: (“Паблик рилейшнз” – система пропаганды бизнеса США) / Н. Г. Зяблук – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. – 140 с.

³ См.: Зяблук Н. Г. Паблик рилейшнз и пресса США (система управления социальной информацией, роль и место печати в этой системе) / Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Н. Г. Зяблук. – М., 1969. – С. 2.

Последствия этих экспериментов еще более сжимали время, расширившее мир. “Как Коперник, — писал Фрейд, — отнял у Земли имя центра Вселенной и предписал ей место одной из многих планет Солнечной системы, так и мое учение отнимает у человека венец царя природы и делает его частью природы, а существование его сложным и проблематичным” [2, 463].

Зигмунд Фрейд становится автором одного из ключевых понятий Паблик Рилейшнз — **сжимающегося значения** “имидж”. В работах У. Липмана (“Общественное мнение”, “Пропаганда”) как результат анализа манипулятивных моделей воздействия на массовое сознание возникает еще одно важнейшее для ПР понятие “стереотип”. Несколько ранее мы предложили свое толкование значений “имидж”, “образ”, “репутация” в Паблик Рилейшнз⁴. Теперь нам предстоит кратко обозначить понятия “имидж” и “стереотип”, обосновав их принадлежность к ПР в контексте теории “сжимающегося времени”.

“В теории принято различать два вида образов-представлений, отражающих действительность в *сжатом*, приближенном виде: стереотип и имидж, — пишет российский исследователь О. П. Кудинов. — Под стереотипом обычно понимается упрощенное, схематизированное, зачастую радикально искаженное представление о каком-либо явлении, характерное для общественного сознания...

Имидж в отличие от стереотипа, наоборот, призван дифференцировать явления действительности, придавать явлению новые свойства, ему не присущие, второстепенные свойства превращать в главные, радикально изменяя представления о явлении, его смысле. Стереотип основывается на абсолютизации некоторых однородных или схожих явлений. Имидж же наделяет явления гипертрофированными качествами или качествами, вообще явлению не присущими.

Стереотип ограничивает восприятие явления, представляет собой некую его готовую формулу. Имидж, наоборот, искусственно расширяет в заданном направлении рамки явления, поощряет воображение” [9, 151-152]. Мы определяем имидж как сжатое познание, манипулятивно “расширяющееся” в необходимом направлении.

Говоря о манипуляционном значении стереотипов, украинский исследователь Г. Почеп-

цов констатирует, что “модель стереотипов в сильной степени предопределяет, какие группы фактов мы увидим и в каком свете мы будем на них смотреть...” [12, 220]

На наш взгляд, рождение обоих знаковых для Паблик Рилейшнз терминов в значительной мере обусловлено фактором “сжимающегося времени” — оба они отражают некое “сжатое познание”, обусловившее особое, позволим себе термин, *многотиражное мышление* массового общества.

Таким образом, мы предлагаем рассмотреть и детализировать с позиций Макро-ПР факторы, характеризующие качественно новое радикальное изменение феномена “сжатия социального времени” в условиях развития коммуникационной эпохи и создания “многотиражного мышления” массового коммуникационно-социального пространства. Развивающаяся “временная компрессия” в дальнейшем обусловила расширение и лавинообразно убыстряющееся развитие (расширение) массового коммуникационно-социального пространства, нашедшего отражение в понятии “информационное общество”. Но процесс сжатия диалектичен и отражает сжатие времени до состояния его расширения.

По мнению известного демографа И. В. Бестужева-Лада, сам переход в информационное общество напоминает развивающееся действие романа “Солярис” Станислава Лема.

Интернет, считает профессор Бестужев-Лада, подобен Космосу.

Подметим и иное — Интернет становится своеобразной ДНК человечества. Именно здесь отныне пребывают все сведения, касающиеся человечества, его прошлого и настоящего, а порой и будущего. Духовные и интеллектуальные богатства цивилизации нашли себе оцифрованное пристанище в нематериальном пространстве, ограниченном параметрами электронного разума глобальной сети. То, что несет экран монитора, становится уже не просто “виртуальной реальностью” (термин М. Маклюэна, оценивающий ситуацию с позиций убывающего не виртуализированного сознания), но, в условиях виртуализации сознания — все более реальностью реальной, возможно, единственной реальностью, способной отразить быстроменяющийся мир.

И этот сверхкоммуникационный и виртуализированный Космос оказывает все более доминирующее влияние на единую общую среду обитания человечества — Землю.

“Мы подошли к той точке общего движения, когда любая страна может развиваться только как часть человечества... И жизнь любой общности, большой или малой, в том числе и всех нацио-

⁴ См. Богоявленский А. Е. Понятия “имидж”, “репутация”, “образ” в контексте “Критики чистого разума” И. Канта / А. Е. Богоявленский // Акценты. — Воронеж, 2004. — № 5-6. — С. 57-63.

нальных меньшинств, только тогда конструктивна, когда она адекватно соответствует законам сохранения гено-, био-, эко- и инфондов, закрепляет и гармонично развивает единое целое “человеческий род – Космос”. Документы по “человеческому измерению” должны всем своим содержанием способствовать этому развитию, то есть быть последовательно ноосферизованы”⁵.

Тема документов по “человеческому измерению”, разумеется, имеет весьма давнюю историю, отмечающую значительное многообразие ее толкований. Так, российский исследователь Б. Прохоров отмечает, что “социологические концепции общества различались, прежде всего, толкованием природы совместности человеческого существования, объяснением принципа образования социальных связей. О. Конт усматривал такой принцип в разделении функций (труда) и в солидарности, Э. Дюркгейм – в культурных артефактах, называемых им “коллективными представлениями”. М. Вебер объединяющим началом называл взаимно ориентированные, т. е. социальные, действия людей. Структурный функционализм основанием общественной системы считал социальные нормы и ценности” [13, 165].

Отметим, что еще “в XIX веке, во многом благодаря Герберту Спенсеру, появляется т. н.

социально-биологическое направление, рассматривающее сообщество живых существ с точки зрения его функционирования, как социальное тело и действующий органофизиологический организм: наследственность, изменчивость, отбор, приспособление, борьба за существование являются основными категориями этого способа мышления, непосредственно сближающего биологическое и социальное” [8, 430]. Полагаем, что идеи О. Конта и Г. Спенсера, непосредственно повлиявшие на наши рассуждения о *Макро-ПР*, уже в то время могли опосредованно влиять на развивающуюся теорию *собственно Паблик Рилейшнз* – через работы А. Смолла, У. Сэмнера, Л. Ф. Уорда, Ф. Г. Гидденса⁶ (в частности, такое мнение с социологических позиций высказывает российский ученый Е. Ф. Коханов, рассматривая также влияние идей М. Вебера, Т. Тейлора, Г. Эмерсона, А. Файоля, Г. Форда, Э. Мэйо на осмысление функции менеджмента в Паблик Рилейшнз⁷).

С 1866 года на базе биологии формируется дисциплина, названная экологией. Этим термином Геккель обозначил науку “об отношениях растительных и животных организмов и образуемых ими сообществ между собой и окружающей средой” [13, 291].

⁵ См.: Буданцев Ю. П. Очерки некоммуникалогии. – М.: Изд-во МНЭПУ, 1995. – С.170

⁶ См.: Громов И., Мацкевич А., Семенов В. Западная социология / И. Громов, А. Мацкевич, В. Семенов. – СПб., 1997. – 372 с.

⁷ См.: Коханов Е. Ф. Теоретические и методологические основы PR-деятельности (социологический аспект). Серия Академия Рекламы / Е. Ф. Коханов. – М.: РИП-холдинг, 2004. – С. 140-141.

Автор утверждает, что “идеи А. Смолла об общественной эволюции как о взаимодействии природы, индивидов и организаций, о значении “субъективной среды” – внутреннего мира людей, о роли социологии в совершенствовании социальных институтов, понятия интереса и потребностей оказали несомненное влияние на формирование общетеоретической платформы PR.

У. Сэмнер повлиял на развитие теории PR своим изучением социальных норм и их роли в общественной жизни, внутригрупповых и межгрупповых отношений в обеспечении конформизма. Когда теория PR стала претендовать на то, чтобы быть “не только искусством, но и наукой”, идея американского эволюционного психологизма (Л. Ф. Уорд) оказалась весьма актуальна. Помимо этого, в теории PR принято выделять так называемые “гуманистическую” и “эмпирическую” традиции (Д. Грюниг). Зарождение “гуманистической” традиции не без основания связывается с работами американских социологов и, в первую очередь, Уорда (идеи партнерства, равенства классов, необходимость социального реформирования общества и др.). Концептуальные построения социальных взаимосвязей и субъективных аспектов социальных воздействий Д. Г. Гидденса находят свое отражение в теории PR. “Социальный разум” – понятие, введенное в теорию социального взаимодействия, по Гидденсу, порождает общественное мнение и традиции, коллективное настроение и желание, социальные оценки и ценности”.

Рассуждая далее, Е. Ф. Коханов пишет: “Сильное воздействие на формирование теоретических основ PR оказали концепции индустриального общества... О. Конт придавал большое значение эффективной организации производства, осуществляемой профессионалами, которых он называл “политехниками-организаторами”. Эти идеи постепенно становятся этическими и профессиональными постулатами PR. Не случайно специалистов по связям с общественностью называют “создателями гармонии”, “технологами общественного согласия” (С. Блэк). Г. Спенсер считал, что к наиболее прогрессивному типу общественного устройства – индустриальному обществу – приводит разделение труда. В результате дифференциации и интеграции социальных функций четко выделяются производственная, распределительная и регулятивная подсистемы. Помимо государства, по его мнению, факторами регуляции

В 1921 году Р. Парк и Э. Берджес на стыке между биологией и социологией основывают направление науки, получившее название “экология человека”. “Целью экологии человека (другие возможные ее названия — антропоэкология и энвайронментология) становится определение характера и направленности процессов, возникающих в результате воздействия окружающей среды на человеческие общности, и оценить их последствия для жизнедеятельности людей” [13, 292]. Добавим, что, по предположению Е. Ф. Коханова, несомненно влияние представителей Чикагской и Гарвардской школы прикладной социологии на прагматизм развивающегося феномена Паблик Рилейшнз. “Внимание к процедурам, технологиям, практическим рекомендациям в условиях не сформировавшейся собственной теории PR было обращено к появившимся работам Р. Парка и Э. Берджеса. Именно из этих работ понятия “социальное взаимодействие”, “коммуникация”, “конкуренция”, “конфликт”, “адаптация”, “групповое поведение” стали широко использоваться в практике public relations. Идеи Р. Парка о закономерном движении “конкуренция — конфликт — приспособление — ассимиляция” становятся прообразом развития сложных двусторонних моделей PR” [7, 141].

В 1935 году А. Тенсли вводит понятие “экосистема”. Биологический энциклопедический словарь трактует его следующим образом: “Экосистема (от греч. oikos — жилище, местопребывание и systema — сочетание, объединение) — это совокупность совместно обитающих организмов и условий их существования, находящихся в закономерной взаимосвязи друг с другом и образующих систему взаимообусловленных биотических и абиотических явлений и процессов” [3, 731]. В 1940 году В. Н. Сукачевым предложен термин “биогеоценоз” как некий эквивалент понятия “экосистема”. “Биогеоценоз — это однородный участок земной поверхности с определенным составом живых (биоценоз) и косных (приземный слой атмосферы, солнечная энергия, почва и пр.) компонентов, объединенных обменом вещества и энергии в единый природный комплекс” [3, 62].

Возникающие далее термины — антропосфера, антропоэкология (Б. Б. Прохоров также использует термин — “антропоэкология”), ноосфера — еще более усложняют понятийные обозначения среды обитания человека. Так, антропоэкология состоит из биосферы (в трактовке В. И. Вернадского), всего населения планеты (человеческого общества), которое использует природные ресурсы планеты с помощью технических средств.

Далее французский философ Пьер Леви, в книге “Коллективный разум: к антропологии киберпространства”⁸ выделяет четыре антропологических пространства — Землю, Территорию, Рынок и пространство Знания (которое в общих чертах соответствует концепции информационного общества). В пространстве Знания производственные фонды, капиталовложения, стабильное положение на рынке — все обесценивается по сравнению с эффективно функционирующим интеллектуальным коллективом⁹. “Я один практически ничего не знаю, все вместе мы знаем кое-что, но вне человечества знания не существует, — пишет Леви, — если вы считаете, что кто-то говорит глупость, ищите контекст, в котором то, что он говорит, — золото <...> В пространстве знания — там, где растворяются барьеры и границы, — обитают коллективные разумы, коллективное воображение, в состоянии перманентной динамической реконфигурации”¹⁰. В современных работах для обозначения новой жизненной среды предлагается термин — *инфоноосфера*.

В контексте нашей темы отметим, что идея расширить объект ПР до общечеловеческой среды “во всем ее многообразии (от внутренней среды человека и организации до глобальной общественно-природной среды как ноосферы или коэволюции биосферы и антропосферы)”, благоприятной “для жизни людей и их объединений (организаций)” [4, 12], остается все еще недостаточно обсуждаемой в научных кругах. Между тем исследователи Паблик Рилейшнз предлагают порой весьма своеобразные подходы, лежащие в этом направлении.

могут быть и традиционные, “церемониальные институты”. В современной теории PR “регуляция отношений” является основным характерным признаком профессии.

Идеи Э. Дюркгейма также оказали воздействие на переход от односторонних, манипулятивных, “механических” PR-моделей к более сложным органическим. По крайней мере, фиксируемые Э. Дюркгеймом признаки этих двух типов обществ позволяют найти прямые аналогии с описанием характера взаимодействия со средой при простых и сложных моделях деятельности в связях с общественностью...”

⁸ См.: Levy P. L'Intelligence collective: pour une anthropologie du cyberspace. / P. Levy. — Paris: La Decouverte, 1994.

⁹ Излагается по: Засурский И. Масс-Медиа второй республики / И. Засурский. — М.: МГУ, 1999. — С.48.

¹⁰ См.: Levy P. L'Intelligence collective: pour une anthropologie du cyberspace. / P. Levy. — Paris: La Decouverte, 1994.

Так, российский исследователь В. Т. Ганжин обозначает концепцию создания более широкой науки, которую предлагает обозначить как средоведческая коммуникология или теория создания благоприятной среды (PR-СБС).

Эта идея лежит в плоскости обсуждаемой нами темы и связана с тем, что “старая социокультурная среда, сложившаяся в ходе предыдущей истории и в особенности в течение последних двух веков, множит опасности и угрозы как человеку, так и природе”, поэтому становится все более актуальной “проблема создания более благоприятной новой жизненной среды для всех стран и современности, и, видимо, всего XXI века” [4, 15]. Подобно тому, как динамично меняется коммуникационное окружение, меняется сама среда обитания человечества, причем биотехнологические обстоятельства этой среды, создающие качественно новое пространство цивилизации (инфоносфера), предопределяют ускорение развития технологий социального института собственно ПР, при этом трудно переоценить значение Макро-ПР для преодоления критической точки “сингулярности истории” и открытия качественно новых перспектив для Мира, продолжающего быть, надеемся, и далее населенным людьми.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. Смысл истории / Н. Бердяев. — М., 1990. — 175 с.
2. Берн Э. Игры, в которые играют люди: Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры: Психология человеческой судьбы / Пер. с англ. / Э. Берн. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. — 480 с.
3. Биологический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1986. — 892 с.
4. Ганжин В. Т. Паблик рилейшнз. Что это такое? / Учебное пособие / В. Т. Ганжин. — М.: Изд-во МНЭПУ, 1998. — 176 с.
5. К. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки с предисловием М. Н. Покровского // Труды Государственного румянцевского музея // Выпуск III. — Москва, Петроград: Государственное издательство, 1923. — Том I. — Полупом 1-й. — 439 с.
6. Капица С. П. Сколько людей жило, живет и будет жить на Земле. Очерк теории роста человечества на Земле / С. П. Капица. — М., 1999. — 132 с.
7. Коханов Е. Ф. Теоретические и методологические основы PR-деятельности (социологический аспект). Серия Академия Рекламы / Е. Ф. Коханов. — М.: РИП-холдинг, 2004. — 201 с.
8. Краткая философская энциклопедия. М.: Издательская группа “Прогресс” — “Энциклопедия”, 1994. — 576 с.
9. Кудинов О. П. Основы организации и проведения избирательных кампаний в регионах России. Теории, методы, технологии, практика / О. П. Кудинов. — Калининград: ГИПП “Янтарный Сказ”, 2000. — 468 с.
10. Моисеев Н. Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы (эколого-политический анализ) / Н. Н. Моисеев. — М.: МНЭПУ, 1995.
11. Никонов Александр. Конец света — за первым углом / Александр Никонов // Новая Газета. — 2004. — № 59 (989). — 16—18 авг.
12. Почепцов Г. Паблик рилейшнз или как успешно управлять общественным мнением / Г. Почепцов. — М.: Центр, 1998. — 468 с.
13. Прохоров Б. Б. Экология человека. Понятийно-терминологический словарь / Б. Б. Прохоров. — М.: Издательство МНЭПУ, 2000. — 345 с.
14. Психологический эволюционизм // История социологии в Западной Европе и США. — М., 1993.
15. Сементковский Р. И. Предисловие к изданию: Макс Нордау. Вырождение (Entartung) / Р. И. Сементковский. — С-Петербург: издание Ф. Павленкова, 1894. — 544 с.
16. Станиславский К. С. Моя жизнь в искусстве / К. С. Станиславский. — М.: Искусство, 1972. — 534 с.
17. Толстой Л. Н. Война и Мир / Л. Н. Толстой // Собр. соч.: В 12 т. — М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. — Т. 7. — 365 с.
18. Тоффлер А. Футурошок / А. Тоффлер. — СПб.: Лань, 1997. — 464 с.
19. Федотова Л. Н. Паблик рилейшнз и общественное мнение / Л. Н. Федотова. — СПб: ПИТЕР, 2003. — 352 с.
20. McQuail D. Mass Communication theory. 3rd edition / D. McQuail. — SAGE Publication. — 1994.

Рецензент — М. Е. Новичихина.